

DOI: [10.17976/jpps/2020.06.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.13)

ПАРАДОКСЫ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ, ВОООБРАЖЕНИЕ, ТРАВМЫ

А.Б. Белоусов

БЕЛОУСОВ Александр Борисович, кандидат политических наук, зав. лабораторией социально-политических коммуникаций, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, email: depolit@yandex.ru

Белоусов А.Б. Парадоксы вертикали власти: ретроспекция, воображение, травмы. — Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 173–180. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.13>

Статья поступила в редакцию: 31.03.2020. Принята к печати: 03.09.2020

Аннотация. Статья посвящена вертикали власти как модели взаимоотношений между федеральным центром и губернаторами, рассматриваемой в двухтомнике Виталия Иванова “Глава субъекта Российской Федерации. История губернаторов”. Для Виталия Иванова вертикальный формат взаимоотношений федеральной власти с губернаторами — единственный из возможных, а любое отклонение ведет к ослаблению федеральной власти и в конечном счете грозит распадом страны. Однако анализ излагаемой им концепции вскрывает ряд серьезных внутренних противоречий, таких как ретроспективное объяснение устройства власти в СССР с позиций выстроенной вертикали, увлечение воображаемыми рисками и наличие государственных травм, специфический способ распределения унижений и наказаний как неотъемлемая черта вертикали власти.

Ключевые слова: Виталий Иванов, вертикаль власти, федеральный центр, регион, губернатор, выборы.

173

В двух томах свежей “Истории губернаторов” Виталия Иванова нашлось место много чему из произошедшего в жизни губернаторов за последние 30 лет: выборам, назначениям, интригам и самым фантастическим историям (какой, например, стало в Алтайском крае избрание губернатором юмориста Михаила Евдокимова). Но если отбросить все лишнее, это исследование, по сути, — история строительства вертикали власти из федерального центра в регионы, рассказанная с охранительских позиций, когда централизованное устройство государства выступает единственным способом его организации, а отход от него грозит хаосом.

Строительство вертикали с самого начала проходило не на институциональном уровне, а в борьбе за первенство между двумя уровнями власти. В своем первом Послании Федеральному Собранию РФ Путин проводит строгое противопоставление федерализма и децентрализации¹. Начиная с 2000 г. именно централизация становится рамкой федеративных отношений в России.

В “Истории губернаторов” проблема федерализма ставится следующим образом. Говоря о РСФСР как о предшественнице России, автор употребляет термин *полуфедерация*: АССР являются субъектами Федерации, а остальные регионы — лишь территориально-административными образованиями. Понятие субъекта федерации появляется только после поправок к Конституции, внесенных VI Съездом народных депутатов РСФСР в апреле 1992 г. [Иванов 2019а: 43, 224]. Задача федеральных властей состояла в том,

¹ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. — *Президент России. Официальный сайт*. 08.07.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (accessed 17.03.2020).

чтобы восстановить равноправие между национальными республиками и обычными регионами. Для этого пришлось приложить множество усилий на протяжении 1990–2000-х годов, преодолевая риски выхода отдельных республик из состава РФ, удерживая их разнообразными сделками, дающими республикам ряд финансовых преимуществ. Риски распада страны в 1990-е годы нанесли травму, преодоление которой надолго превратит усиление государства в самоцель (о роли травм речь пойдет ниже). Окончательно решить проблему полуфедерации удалось только к концу нулевых, когда появилась возможность заменить глав ряда национальных республик.

Аналогичным образом и бюрократическая управляемость регионами оказывается вторичной по отношению к централизации, а эффективность — синонимом сильного государства, борьба за которое оборачивается борьбой за право президента наказывать губернаторов, о чем заявляется в том же первом Послании Федеральному Собранию. Система наказаний и даже “унижений” губернаторов достаточно подробно описана в “Истории...”, о чем речь ниже. Любые запросы на повышение эффективности федеральный центр интерпретирует как способ усиления своей позиции в отношениях с регионами [Иванов 2019b: 263], нередко действуя в свойственной ему манере асимметричных действий. Это стало возможным по той причине, что “люди в первую очередь хотели от власти эффективности, а способы ее достижения их не волновали” [там же: 263].

Период, рассматриваемый в вышедших томах “Истории губернаторов”, заканчивается 2011 годом, а выстраивание бюрократической эффективности региональной власти, скорее, относится к периоду после возвращения Путина на пост президента в 2012 г. В период после 2012 г. также усилилось и формирование клиентел губернаторов (“собянинских”, “чemezовских” и пр.). В нулевые годы создавать такие клиентелы было непросто в силу того, что регионы возглавляли старые губернаторы, претендовавшие на независимость от кого бы то ни было. Их решительная “чистка” произошла в период с 2008 по 2011 гг., когда убрали более 20 глав, назначенных еще в 1990-е годы, включая таких тяжеловесов, как Лужков, Шаймиев, Рахимов [Иванов 2019b: 434]. После этого сопротивление губернаторов федеральному центру было сломлено, что открыло интересантам дорогу для формирования своих “пулов” губернаторов. Это порождало и до сих пор порождает противоречия между бюрократической эффективностью, принадлежностью к той или иной клиентеле и принятием назначенцев региональными элитами. Но все это, как и многое другое, формирует региональную политику десятых годов. Вплоть до 2011 г. федеральная власть видела главной задачей для себя встраивание губернаторов в вертикаль власти (особенно тех, которые вели себя независимо).

Для научной объективности неплохо было бы иметь на другой чаше весов книгу-антипод — историю губернаторов, рассказанную с позиции регионов и убежденности в пользе выборов — причем не менее фундаментальную, чем труд Иванова. Но найти альтернативную версию оказалось не так-то просто.

В “Недостойном правлении” Владимира Гельмана есть целый параграф о вертикали власти: фундаментальное описание механизма предоставления доступа к ренте — читай коррупции — на ее нижних этажах. У Гельмана “вертикаль” уже не относится к сфере *politics*, но выступает антиподом ускользающего *good governance*, регионы как субъекты отсутствуют, а выборы остаются лишь мечтой, которые вместе с принуждением международных акторов еще способны (но не должны!) привести к формированию инклюзивных институтов [Гельман 2019]. Для Гельмана “вертикаль” явно перестала быть стерж-

нем российской политики. Таким стержнем для него является недостойное правление как результат политики централизации.

К теме “вертикали” обращается и Сергей Алексащенко в работе “Контрреволюция. Как строилась вертикаль власти в России и как это влияет на экономику”. У него взаимоотношения федерального центра и регионов сводятся к формированию “губернаторской партии” в конце 1990-х годов — политической группы, противопоставившей себя Кремлю, амбиции которой простирались далеко за рамки региональных интересов [Алексащенко 2019]. Читая про борьбу “губернаторской партии” с президентом, можно задаться вопросом, не сама ли она виновата в том, что превратила вопрос о распределении полномочий между федеральным центром и регионами в “игру с нулевой суммой”? В “Контрреволюции” Алексащенко региональная политика как таковая начинает свой отсчет ровно с 1999 г., с момента формирования “губернаторской партии”. Благодаря подобному упрощению централизация выглядит вполне закономерной. Если в 1999 г. “губернаторы все реже стали посещать Кремль”, то нет ничего удивительного в том, что через некоторое время для решения региональных проблем они “должны будут ходить в Кремль с протянутой рукой” [там же: 27, 208]. Но стоило ли тогда все отношения центра и регионов сводить к этому противостоянию, а описание губернаторов ограничивать формированием “губернаторской партии”? Впрочем, несмотря на антагонизм идеологических позиций Иванова и Алексащенко, их оценки имеют немало общего, о чем дальше еще пойдет речь.

Поскольку фундаментальную альтернативу “Истории губернаторов” найти не удалось, анализировать строительство вертикали власти приходится изнутри нее самой, исследуя логику, на которую она опирается в ходе своего укрепления и которую одновременно воспроизводит. Версия Виталия Иванова — хороший повод вновь задуматься о природе вертикали власти и ее основаниях.

175

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Первые признаки вертикального устройства власти усматриваются Ивановым в советские времена. Описание советской системы управления как вертикали опирается у него на высказывания ряда региональных руководителей 1990–2000-х годов. Они по-разному оценивали вертикаль в советское время: кто-то торговался, заявляя, что не согласен находиться в ней, кто-то говорил о “рабском преклонении” перед партийными органами, а кто-то делил власть с помощью выстраивания параллельных вертикалей [Иванов 2019а: 100–101].

Но вот вопрос: была ли на самом деле вертикаль власти в СССР? Терминологически советской эпохе более свойственны такие понятия, как дисциплина, в том числе государственная. Концепция дисциплины была хорошо разработана в советское время. Можно открыть любой том со стенограммами партийных съездов 1960–1980-х годов, например, XXIV-го, чтобы увидеть ее разнообразные виды: от технологической и финансовой до партийной и социалистической. Советскую дисциплину роднит с вертикалью власти специфический модус обращения с ней — укрепление. Правда, набор советских модусов был несколько шире: строгое и даже строжайшее *соблюдение*, упорная *борьба* за и, конечно же, повсеместное *повышение*². Там же можно встретить понятие демократического централизма, а вот про вертикаль — ни слова.

При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что в описании советской системы власти термин *вертикаль* возникает ретроспективно. Все упо-

² КПСС. Съезд 24-й. 1971. Стенографический отчет. 30 марта — 9 апр. 1971 г. в 2-х т. М.: Политиздат.

минания вертикали региональными руководителями обнаруживаются в мемуарах, которые вышли во второй половине нулевых, после того как создание путинской вертикали было в общих чертах завершено. И потому осмысление советского устройства власти с помощью понятия вертикали власти похоже на специфический способ мышления конца нулевых, дискурсивный маркер эпохи. Не обошлось при этом и без откровенных злоупотреблений со стороны ряда авторов, обнаруживших вертикаль власти в Конституции СССР 1936 г. или даже 1924 г. [Попов, Упоров 2017: 60–61; Подерега 2015: 36–37]. Не вступая с ними в дискуссию, нужно задаться другим, более важным вопросом: почему при описании вертикали власти важно обнаружить ее в устройстве советской власти и в какой момент эта отсылка возникает?

Знаменитая фраза Путина о распаде СССР как о крупнейшей геополитической катастрофе XX в. датируется 2005 г.³ К этому времени главные вехи строительства вертикали — создание федеральных округов, партизация губернаторов и отмена их выборов — были пройдены. Говорить о трагедии распада можно было лишь тогда, когда для подобных угроз в настоящем не осталось никаких оснований, т.е. с позиций сильного государства. Однако само строительство вертикали опиралось не на опыт советской традиции, а на преодоление наследия 1990-х годов. Об этом Путин говорит с самого своего первого послания в 2000 г. В этом послании можно встретить высказывания и про распад России, и про перетягивание полномочий между субъектами РФ и органами местного самоуправления. Апофеозом становится констатация того, что все уровни власти поражены болезнью, и “разорвать порочный круг — наша общая святая обязанность”⁴. Отсылка к советским практикам управления возникает не только ретроспективно, но и постфактум: о сильной власти в обозримом прошлом можно говорить только тогда, когда сама власть в настоящем стала сильной, завершила процесс своего укрепления. Не для того ли это делается, чтобы показать “ослабление” государственных институтов в 1990-е годы как роковую случайность, место прерывания вертикали, ошибку, точно такую же, какой был и распад Советского Союза? И не по той ли причине в России имеет право на существование только модель сильного государства?

ВООБРАЖАЕМЫЕ РИСКИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАВМЫ

Отмена выборов губернаторов в 2004 г. стала следствием категорического нежелания Кремля рисковать и терпеть какие бы то ни было поражения впредь. Как показал 2018 г., даже при всей полноте их власти выборы губернаторов всегда сопряжены с рисками, прежде всего — проиграть. В девяностые и начале нулевых подобных рисков было на порядок больше. Можно только предполагать, как сложилась бы судьба, скажем, Белгородской области, если бы в 1999 г. Евгений Савченко проиграл Владимиру Жириновскому. Стала бы такая победа передачей региона на растерзание его помощникам, что, как предполагает Виталий Иванов, обернулось бы сдачей полномочий через год, или нет [Иванов 2019а: 579]? Государственное управление легко становится уязвимым, если такого рода риски не будут оцениваться должным образом. Однако, начав купирование рисков, можно легко впасть в другую крайность и выдавать кажущиеся риски за реальные. И чем масштабнее риски, чем масштабнее выборы, тем менее ясно, где же проходит грань между подлинным сценарием и воображаемым.

³ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. — *Президент России. Официальный сайт*. 25.04.2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (accessed 17.03.2020).

⁴ Там же.

Девяностые годы были временем с большим количеством рисков. После августовского путча 1991 г. и прямого столкновения президента и парламента в 1993 г. основные риски кристаллизовались в федеральных выборах: парламентские в те годы власть проигрывала, а президентские были в зоне риска. История России могла пойти иным путем, если бы участники президентских кампаний вели себя иначе: будь Зюганов чуть смелее в 1996 г., он мог бы выиграть во втором туре, а участие Примакова в 2000 г. было способно перевести кампанию во второй тур. Риски накапливались и превращались в травмы. Вместе с множественными социальными травмами 1990-х годов Россия получила комплекс государственных травм, главная из которых — комплекс слабой власти. Первое Послание Путина 2000 г. почти целиком посвящено его преодолению: “Если Россия останется слабой”, “это будет выбор слабого государства”, “слабость государства сводит на нет экономические реформы”⁵. Но, излечиваясь в нулевые годы от социальных травм с помощью стабильности, не сделала ли страна свои политические травмы главной мотивацией для построения вертикали власти? Петр Штомпка обнаруживает симптомы травмы на биологическом, социальном и культурном уровне [Штомпка 2001: 10], но вот вопрос — где же место для травм политического класса? Так или иначе, в какой-то момент электоральные риски настолько переполнили чашу терпения политических администраторов, что они решили: отныне президентские выборы, да и выборы вообще, должны происходить без угрозы потери управляемости электоральным процессом — этим принципом руководствуются и по сей день [Выборы на фоне... 2018: 67]. Несбывшиеся риски выборных кампаний губернаторов стали решающим аргументом в пользу их отмены в 2004 г.

У нас не принято вспоминать, что это была не первая отмена выборов глав регионов за непродолжительный период современной истории России. Впервые это произошло сразу же после учреждения нового государства: мораторий на 13 месяцев был принят в конце 1991 г. Оправданием этого решения послужили опасения, что выборность глав приведет к развалу страны, а в дальнейшем — к гражданской войне [Иванов 2019а: 512]. “Выборы или смерть” — это повышение ставок, игра ва-банк, но значит ли это, что в 2004 г. мы оказались в той же ситуации, что и в 1991 г.? Скорее, государство к тому времени не перестало переживать и проживать драму распада, что еще раз подтверждает травмированность его основания в первое десятилетие жизни.

177

ЛЕВИАФАН И АСИММЕТРИЧНАЯ ОТМЕНА ВЫБОРОВ

Процедура отмены выборов губернаторов в 2004 г., помимо прочего, выявляет предпочтение государства реагировать на угрозы асимметричным образом. Связь между отменой выборов (что стало ответом на запрос о дальнейшем укреплении государства) и трагическими террористическими атаками, произошедшими после этого, неоднозначна [Иванов 2019b: 263], но практика асимметричных ответов, широко используемая во внешней политике, сначала была опробована во внутренней. Ответ на запрос общества был дан, но не такой, какой ожидали. И это не удивительно: губернаторы не могли дать повод для отмены выборов, сопоставимый с терактом. На этом примере видна особенность путинской политики: сочетание институциональных перемен с политической импровизацией. Сегодня можно услышать, что стиль Путина — непредсказу-

⁵ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. — *Президент России*. Официальный сайт. 08.07.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (accessed 17.03.2020)

емость и асимметричность, не дающие соперникам шанса адекватно ответить и закрепляющие за президентом инициативу. Такой была январская 2000 г. отставка правительства и конституционная реформа, оставившие внесистемную оппозицию без повестки дня и политического предложения. Точно таким же был маневр по усилению вертикали власти в 2004 г.

У отмены выборов помимо тактической составляющей обнаруживается еще и институциональная: обосновывая это решение на расширенном заседании правительства 13 марта 2004 г., Путин отсылает нас к пункту Конституции, где говорится о единой системе власти. Данный конституционный тезис он усиливает собственной метафорой “целостного организма”, чем позиционирует себя сторонником гоббсовского понимания государства. Найдется немало положений Гоббса, с которыми бы Владимир Путин согласился, например, “смута — это болезнь, и гражданская война — смерть” [Гоббс 2001: 9]. И потому совсем не удивительно, что российское государство в духе Левиафана возвышается над регионами и губернаторами, вбирает их в себя, правда, уже не по гоббсовской модели делегирования суверенитета сверху вниз, а, как отмечает Владимир Гельман, посредством “навязанного [т.е. асимметричного. — А.Б.] консенсуса” [Гельман 2006: 105].

Но прошло восемь лет, и в начале 2010-х годов российская система вернулась от назначения глав к их выборности. Отмена предыдущего решения наглядно показывает, что при построении вертикали выборы являются средством, а не целью, а тактика, зачастую асимметричная в отношении актуальных угроз, становится важнее институтов. И потому сегодня уже мало кто вспомнит, что стало поводом для возвращения прямых выборов губернаторов.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УНИЖЕНИЙ

Идеологический антагонизм Виталия Иванова и Сергея Алексашенко не мешает им обоим признать, что политика централизации в начале нулевых стала реакцией федерального центра на действия губернаторской фронды. Алексашенко прямо заявляет, что главным мотивом в разгроме этой “фронды” стало унижение, которое летом 1999 г. испытал Александр Волошин, глава президентской администрации, выступавший от имени Б. Ельцина, после провала голосования в Совете Федерации по отставке Ю. Скуратова [Алексашенко: 28]. В. Иванов дает целый перечень историй обид, унижений и наказаний в отношениях Центра и губернаторов. Последние, в свою очередь, стремятся скомпенсировать эти унижения тем, что иногда ставят в унижительное положение федеральный центр (например, когда Э. Россель на первых выборах губернатора Свердловской области победил ставленника Ельцина А. Страхова). Россель, противопоставляя себя Кремлю, заявлял, что “не хочет быть диспетчером Москвы по Свердловской области, для нее [области] это унижительно” [Иванов 2019a: 295], и вел себя подобным образом вплоть до начала нулевых, когда пытался унижать назначенного Путиным полпреда.

Сначала обилие таких конфликтных случаев, приводимых в “Истории губернаторов”, может показаться авторской интерпретацией, но прямая речь участников тех событий говорит о другом: из психологических феноменов они превращаются в факторы политики. И если власть использует эти феномены в своих интересах, то вертикаль власти закрепляет эту асимметрию между федеральным центром и регионами. Наказание губернаторов становится повседневной практикой, которая в интерпретации Виталия Иванова даже формирует отдельную категорию глав регионов — “наказанные” [Иванов 2019b: 435]. Основанием для них

становились недостатки в работе губернаторов, но начиналось все с усмирения непокорных, чье поведение воспринималось как унижающее и оскорбляющее. Одним из последних губернаторов, кого наказали публично, причем именно за несговорчивый характер, стал Юрий Лужков. Мэр Москвы в 2010 г. пытался играть на, как ему казалось, противоречиях между Дмитрием Медведевым и Владимиром Путиным. Официальная формулировка его отставки “утрата доверия”, что, по мнению Иванова, было вызвано попыткой “расколоть тандем”, неуважением к институту президентства и демонстрацией силы, т.е. фактически угрозами в адрес федерального центра [там же: 395]. Такие действия губернаторов к концу нулевых воспринимались как недопустимые.

С середины нулевых годов губернаторы стали сами встраиваться в вертикаль власти, а для поощрения такого поведения были разработаны особые меры, например досрочное переназначение. Эта пора была посвящена устранению дефектов “вертикали”, а выборы 2007 и 2011 гг. стали полигоном для ее испытания в деле. Эти и многие другие сюжеты можно без труда найти в томе “Истории губернаторов”, посвященном эпохе Путина. Но наиболее важным сюжетом в ней мне представляется тот, что строительство “вертикали” не превратило губернаторов в статистов, они остаются участниками политики и на каждом новом витке им выпадают все новые испытания.

В 1990-е годы от них требовалось “брать суверенитета столько, сколько смогут”, в 2000-е — встраиваться в жесткую “вертикаль”, в 2010-е — становиться “технократами”. Их умение адаптироваться зачастую считают политической слабостью, неспособностью диктовать федеральному центру правила игры: губернаторы (при сравнении их представителей 1990-х и 2010-х годов) — “уже не те”, “этот институт вырождается”. Но они были и остаются эффективными политиками. “История губернаторов” убеждает: они смогли сохраниться, способны действовать в условиях дефицита ресурсов, переговорных позиций и политической субъектности как таковой. Вопрос не в том, почему они не сохранили политическую автономию 1990-х годов, а в том, способны ли они восстановить ее, если шанс представится. Ответ получим, когда дочитаем “Историю...” до конца. Книга привлекает тем, что к губернаторам Виталий Иванов относится не как к винтикам в политической машине, а как к субъектам — сильным и слабым, умным и глупым, талантливым и не очень, — тем не менее олицетворяющим политику в регионах.

DOI: [10.17976/jpps/2020.06.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.13)

PARADOXES OF THE POWER VERTICAL: RETROSPECTION, IMAGINATION, TRAUMA

A.B. Belousov¹

¹*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Science. Ekaterinburg, Russia*

BELOUSOV, Alexander Borisovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Head of Laboratory of social-political communications, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Science, email: depolit@yandex.ru

Belousov A.B. Paradoxes of the Power Vertical: Retrospection, Imagination, Trauma. — Polis. Political Science. 2020. No. 6. P. 173–180. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.13>

Received: 31.03.2020. Accepted 03.09.2020

Abstract. This article analyses the problem of the power vertical as a model of the relationships between the federal center and governors, considered in Vitaly Ivanov’s two-volume work “The Head of the Subject of the Russian Federation. History of Governors”. For Vitaly Ivanov, the “vertical” format

of relationships between the federal government and the governors is the only possible one, and any departure from it leads to a weakening of the federal authorities and risks the dissolution of the state. The analysis of the concept presented by Ivanov reveals a number of serious internal contradictions, such as a retrospective explanation of the structure of power in the USSR, a fascination with imaginary risks and the presence of state traumas, the presence of humiliation and punishment, and a specific way of their distribution as an integral feature of the power vertical.

Keywords: Vitaly Ivanov, power vertical, federal center, region, governors, elections.

References

Aleksashenko S. 2019. *Kontrrevolyutsiya. Kak stroilas' vertikal' vlasti v sovremennoi Rossii i kak eto vliyaet na ekonomiku* [Counterrevolution. How the Vertical of Power Was Built in Modern Russia and How It Affects the Economy]. Moscow: Alpina Publisher. 408 p. (In Russ.)

Gel'man V. 2006. Leviathan's Come-Back? (Policy of Recentralization in Contemporary Russia). — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 90–109. (In Russ.)

Gel'man V. 2019. *Nedostoinoe pravlenie* [Bad Governance]. St. Petersburg: European University Press. 254 p. (In Russ.)

Hobbes T. 2001. Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil. (Russ. ed.: Hobbes T. *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Moscow: Mysl'. 478 p.)

Ivanov V. 2019a. *Glava sub"ekta federatsii. Istoricheskoe, yuridicheskoe i politicheskoe rassledovanie (Istoriya gubernatorov)*. In 2 vol. Vol. I. Part. I. Moscow: Izdaniye knig kom. 600 p. (In Russ.)

Ivanov V. 2019b. *Glava sub"ekta federatsii. Istoricheskoe, yuridicheskoe i politicheskoe rassledovanie (Istoriya gubernatorov)*. In 2 vol. Vol. I. Part. II. 2nd ed. Moscow: Izdaniye knig kom. 624 p. (In Russ.)

Poderega S.V. 2015. Adoption of The Constitution of The USSR of 1936 and Features of The Regulation of Institutions of Local Soviets. — *Society and Law*. No. 3. P. 36–39.

Popov M.Yu., Uporov I.V. 2017. Local Councils of the Soviet State between the Constitution of the USSR in 1924 and 1936 (legal aspect). — *Historical and Social Educational Idea*. Vol. 9. No. 1–2. P. 60–64. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-60-64>

Sztompka P. 2001. Social Change as Trauma. — *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)

Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita [Elections Against the Backdrop of Crimea: The Electoral Cycle of 2016–2018 and the Prospects of Political Transit]. 2018. Ed. by V.V. Fedorov. Moscow: VCIOM. 440 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексащенко С. 2019. *Контрреволюция. Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику*. М.: Альпина Паблишер. 408 с.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита. 2018. Под ред. В.В. Федорова. М.: ВЦИОМ. 440 с.

Гельман В. 2006. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России. — *Полис. Политические исследования*. С. 90–109. <https://www.doi.org/10.17976/jpps/2006.02.08>

Гельман В. 2019. *Недостойное правление*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 254 с.

Гоббс Т. 2001. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Мысль. 478 с.

Иванов В. 2019а. *Глава субъекта федерации. Историческое, юридическое и политическое расследование (История губернаторов)*. В 2 т. Т. I. Кн. I. М.: “Издание книг.ком”. 600 с.

Иванов В. 2019б. *Глава субъекта федерации. Историческое, юридическое и политическое расследование (История губернаторов)*. В 2 т. Т. I. Кн. II. М.: “Издание книг.ком”. 624 с.

Подерега С.В. 2015. Принятие Конституции СССР 1936 г. и особенности регулирования в ней института местных советов депутатов трудящихся. — *Общество и право*. № 3. С. 36–39.

Попов М.Ю., Упоров И.В. 2017. Местные Советы Советского государства между Конституциями СССР 1924 и 1936 гг. (организационно-правовой аспект). Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 1–2. С. 60–64. <https://www.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-60-64>

Штомпка П. 2001. Социальное изменение как травма (Статья первая). — *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.